

Хониату автор повести, упоминая лишь о разграблении крестоносцами церковных богатств, ничего не говорит об увозе или уничтожении ими художественных ценностей, унаследованных Византией еще от языческого Рима. Очевидно, автор повести счел неудобным перечислить эти ценности как предметы идолопоклонства и поэтому не упомянул о них.

Верно названы в повести дни первого и второго штурма столицы крестоносцами; точно указывается дата избрания ими нового императора Латинской империи — 9 мая. Однако если в приведенных случаях нас не может не поразить историческая точность и достоверность, то, с другой стороны, в ряде случаев проявляется стремление автора повести к некоторой легендарности в передаче сообщаемого. Особенно явно это усматривается в начале повести, когда изображается тайное бегство царевича Алексея из Константинополя на Запад от преследований своего дяди-узурпатора Алексея III. Рассказ повести обставлен сказочными подробностями и коренным образом расходится с тем, что мы узнаем об этих же событиях из сообщения Никиты Хониата. В „Истории“ последнего мы читаем: „Между тем Алексей, без сомнения, по мысли своего отца, условился бежать с одним пизанцем, который командовал большим купеческим кораблем и только ожидал удобного времени ускользнуть морем и закрыть свой след водою. Когда удобное к отплытию время наступило, корабль распустил паруса и с попутным ветром благополучно прибыл в Авлонию на Геллеспонте. Отсюда с корабля отправлена была для принятия Алексея шлюпка в Афиру, по прибытии в которую матросы, чтобы скрыть свое настоящее намерение, начали нагружать песок, как будто бы нужный кораблю, по выгрузке его товаров, для балласта. Убежав сюда из Демократии, Алексей сел на шлюпку и переехал на корабль. Бегство его скоро было замечено, и император приказал немедленно обыскать корабль; но посланные не могли узнать Алексея: он остриг себе в кружок волосы, нарядился в латинскую одежду, смешался с толпою и таким образом укрылся от сыщиков“.¹

Если сравнить рассказ Хониата с повестью, то можно предположить, что последняя основывается на устных народных сказаниях, распространившихся среди населения Византии по поводу тогдашних событий.

Точкой соприкосновения между обеими версиями можно считать слова Хониата: „закрыть след свой водою“. Не лишено вероятия, что эти слова, взятые из какого-либо официального источника, понимались народной легендой буквально, в связи с чем и появился в повести эпизод о бочке с тройным дном.

Следы народных легенд в передаче повести заметны и в особой любви ее автора к сказочному числу „сорок“: на сорока великих кораблях крестоносцы подплывают к Царьграду, после захвата ими столицы под престолом св. Софии они находят клад в сорок кадей золота, над алтарем Софии — сорок „великих кубков“.

При сравнении с другими источниками обнаруживается в повести порой и хронологическая неточность, например, в сообщении о смерти императора Исаака Ангела. Хониат и другие указывают, что этот император умер лишь после того, как его сын Алексей был уже свергнут и заточен Мурдуфлом. Повесть же рассказывает о смерти Исаака до сообщения о восстании константинопольского народа против его сына как сообщника ненавистных иноземцев.

¹ Никита Хониат, ук. соч., стр. 268—269.